

Василиса Засветова

**Цветные стекляшки под
призмой калейдоскопа.
Очерки исхода**

Василиса Засветова
Цветные стекляшки под
призмой калейдоскопа.
Очерки исхода

<https://litres.ru/74136128>

SelfPub; 2026

Аннотация

Подать вам руку? Бросить спасательный круг? А может, размолотить ваши слепые иллюзии в прах? Эта книга — манифест хладнокровного психологического автофикшна и нео-имажинизма. Безжалостное препарирование ложных ментальных проекций и шизофреногенных сред, в которых мещанский масс-маркет пытается поглотить аристократизм духа. Здесь автор — не жертва. Здесь разбитые осколки памяти и травм технично собираются под линзой калейдоскопа в затейливую геометрию философии и рефлексии. Когда ваш личный спасательный круг сдуется со свистом, останется только безупречный протокол и свобода принятия.

Содержание

Вместо пролога.	4
Поэтическая преамбула.	6
Глава 1. Когда ищешь убежище	9
Глава 2. Академизм наива	10
Глава 3. По ушедшему	12
Глава 4. Стервятники (как плотоядная мошкара)	15
Глава 5. Место уместности	19
Часть 1	19
Глава 5. Место уместности	24
Часть 2	24
Глава 6. Сангха	35
Часть 1	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Василиса Засветова

Цветные стекляшки под призмой калейдоскопа.

Очерки исхода

Вместо пролога.

В век цифровой пластмассы и конвейерного масс-маркета от автора требуется не кокетство и заискивание перед публикой, а хирургическая оперативная точность.

Эта серия лишена попытки понравиться и графоманских соплей в угоду стенаниям масс. Это жесткий, хладнокровный автофикшн и нео-имажинизм XXI века. Препарирование реальности под линзой калейдоскопа личных переживаний, где каждый цветной осколок чужого безумия, боли и своевременного побега своим острием нарочито попадает прямо в сердце, шрамируя его замысловатыми геометрическими узорами. Закон "выедания" предметного мира против суррогатной любви. Приземляющий натурализм против иллюзий. Здесь нет жертв. Здесь только ледянящий протокол жизни, способный обогатить легкие кислородом свободы через принятие и честное признание самому себе: "Да, это я".

Мы начинаем исход.

Поэтическая преамбула.

Света звёзд немых концентрат

Проливается внутрь ликёром.

Хрип гортани - мой компромат,

А молчание пышет позором.

Внутри лёгких тяну жадно носом,

Словно гарь смоляных папирос,

Страсть ужиться со всем перекосом,

Интегрируя счастье в невроз.

Ничего не писать отныне.

Чего ради марать холсты?

Печаль светлая, страх звериный

И сожженные в пепел мосты.

Заварное пирожное с кремом

Из тревог и таблеток для сна.

Ночи шепчут свои поэмы,

За окном никогда не весна.

Снова светлой надежды блик-

Словно солнечный зайчик из детства,

Я тебя раскусила вмиг

На войне хороши все средства.

Не писать ничего стабильно,

Вдыхать жизнь, выдыхать её.

Не писать ничего насильно,

Под эгидой «оно - не моё»

(1.12.2025)

Глава 1. Когда ищешь убежище

Иногда люди — это не люди, не человеки, не объекты, а особенный способ бегства. Иногда люди — это спасательный круг, канат, трос, анальгетик. И даже не сами люди, а их образ, их особенность проявления отношения, которая не делится на бесконечные дроби или на ноль.

К тебе повернулись лицом, а не задом, а ты уже успел подумать, что тебя уважают. Тебе улыбнулись — симпатизируют. Тебе доброе слово сказали — ценят. Приобняли — любят. И ты сбегашь в это, прячешься как в убежище, думаешь, что ты «в домике», в панцире, в безопасности. Можно открыться, вывернуть душу наизнанку, обнажить себя от макушки до кончиков пальцев на ногах. Всё, теперь можно успокоиться, расслабиться, довериться.

И вдруг тебе сообщают: «Мне нужно подумать, какое для тебя место в моей жизни». И тут в глубине души диспетчерский синтетический голос: «Уступайте места пожилым людям, пассажирам с детьми и беременным женщинам. А лучше выйдите из вагона, делать вам тут нечего». Мест нет! Ни сидячих, ни стоячих, ни под сидениями. Спасательный круг сдулся со свистом, канат порвался, трос феерично лопнул.

Глава 2. Академизм наива

Мы шли по улице, едва опомнившейся от былых холодов, — вроде апрель, и я взхлёб рассказывала про живопись. Манифестически трактовала наив.

Непосредственная простота образов, по-детски въедливая детализация сюжета повседневности, яркие краски. В наиве отсутствует академичность. Никаких канонов — никаких границ, словно на листе из-под фломастера в руке ребёнка.

Наив и примитивизм — братья-близнецы или случайные двойники? Примитивизм в искусстве продиктован осознанным отречением от академических канонов, с полным пониманием оных. Это сознательная имитация простоты, прием или средство выражения глубинного замысла.

Наивность и примитив — две грани врожденной глупости или решение? Наивность — это непосредственное восприятие мира и себя через призму отсутствия опыта, ведущее к неспособности адекватно оценивать ситуацию. Она выражается в доверчивости, простодушии, открытости. Ну и что? Разве плохо быть простым и открытым человеком? Риторичность этого вопроса зашкаливает, как стрелка на максимальном значении манометра при резком скачке давления в трубопроводе.

Помните пословицу: «простота — хуже воровства»? Всё

главное — всегда в намерении. Потому что намерение — это осознанное планирование действий. Примитив, несмотря на свою имитацию простоты, — это осознанное намерение. Простой элемент для создания сложных, многослойных структур. Его использование — это решение. Это не из серии «обманываться рад». Это свойство, извлеченное из мудрости, где основной нарратив простоты нежно укутан пеленой гениальности.

Я заключаю: наивность — это глупость. Наив — это глупо. Его пустота бессмысленна и беспощадна, как русский бунт.

Первые солнечные лучи, ничуть не наигранные, обдавали жаром, а ветер, посвистывая в раковинах ушей, смело трепал локоны. Мы шли. И я на полном серьезе вещала про наив.

Кто, если не я? Сама устойчиво пребывая в нем, слишком хорошо разбираюсь в предмете. Не претендуя на экспертность, но сознавая: мы знакомы близко, на «ты» долгие годы.

Глава 3. По ушедшему

Шторм ночной густоты накрыл улицы и распахнул форточки моих мыслей. Вся лирика и философия бойкой волной захлестнули сознание. На часах 2:34. Сон выжжен. Я застыла в монументальной прозе, прислушиваясь к звукам внутреннего голоса. Они вопят: «Иди спать! Тебя ждет новый день, и сам по себе он дурным не станет!».

Машинальный, но уже традиционный вход в соцсети возвращает меня на Землю. Машинальное пролистывание ленты отвлекает от бесперебойного производственного конвейера мыслей и поиска смыслов.

Люблю я эти ностальгические посты об ушедшей лучшей жизни. Их содержание так манёвренно закольцовывает самую обыкновенную человеческую боль. И тяжелым катком кроваво проезжается по незажившим ранам человеческих душ. Лейтмотив прост и построен на антитезах: «Скоро начнутся мультики по телеку! — А я их больше не смотрю», или «А ты выйдешь погулять? — Уже не выйду», или «Можно мне жвачку по рублю? — А их перестали продавать», или «Наконец-то домой поеду — Мой дом остался лишь в памяти» и тому подобные сопли.

Шквал слезливых комментариев напрочь смыл ночную апатию, вызванную полетом фантазии сквозь штормовое ночное небо. Ну вот, прилетели. Хоть платочки всем разда-

вай, гладь по головке и нежно уговаривай: «Всё у тебя будет хорошо, но не сразу» или «Не плачь. Возьми себя в руки, тряпка!». Я так и сделала, написав в комментариях, мол, — ну ребят, ваш невротический прием засчитан. Но зачем плодить боль в мир, где её и так с лихвой? Здесь вообще-то есть люди, которые разбирают её по косточкам, а вы своей мишуры накидываете. Не новый год, знаете ли.

А между прочим, я тоже иногда буквально ноздрями чувствую запах глазуньи, разжаренной на раскаленном сливочном масле. Так готовила моя бабушка Валентина Егоровна. Из задворок памяти всплыли ощущения ускользнувшего вечера. Пламенное зарево закатного светила яркой акварелью заливало влажное полотно холодного полупрозрачного небосклона, словно расплзающееся пятно от пролитого ягодного морса на несвежей тканевой скатерти. Мой взор устремлен прямо туда, словно внутрь этой природной текстуры. На фоне этой грандиозной инсталляции естества высотные дома кажутся мелкими и хрупкими, а все воспоминания — мелочными и растворенными в небытии.

На местах боли люди привыкли ставить флажки, как отметки на карте боевых действий: захвачено, побеждено, взято в плен. И горделиво нести потом кипу этих стягов через весь горизонт событий, как доказательство своей непобедимости или как оправдание своей сломленности. А зачем воевать? Невозможно выиграть битву с прошлым. Найти повод поныться и пожалеть себя можно и в настоящем. И неза-

чем далеко ходить, блуждая по задворкам памяти, отыскивая ощущения ускользнувших дней и вечеров.

ТЬфу ты! Я навела горячий кофе и выглянула в окно с желанием окунуться в густоту тьмы. В небесной глубине со звоном хрустальных колокольчиков перемигивались мириады звёзд. А густота тьмы таяла под медленным напором восходившего свечения с Востока. Мерцание блекло. Напиток в моей чашке остывал и заканчивался. Как остывают воспоминания, обращаясь в теплую ностальгию.

Бодрящий кофе с утра способствовал крепкому сну.

Глава 4. Стервятники (как плотоядная мошкара)

Любая призма, через которую мы зреем на мир, — заблуждение.

Что важнее: знать наверняка то, в чем мы заблуждаемся, или осознавать природу собственного взгляда на это?

Я вспоминаю эпизоды из детства. Мой отчий дом располагался на берегу речушки, поэтому мухи и мошки были частыми, но незваными гостями. А порой даже ненавистными. У моей маменьки был целый арсенал средств для борьбы с ними: липкие ленты, мухобойки всех мастей и последних слов техники, фумигаторы и кот, неплохо охотившийся на насекомых. Но этого всегда было недостаточно. Посему для меня часто находилось дельце — оплачиваемое и с полным соцпакетом. Дело было нехитрое — лупить мух хлопущей и собирать их тушки в баночку для отчётности. Одна штука — строго один рубль. Работенка была увлекательная и азартная. Она объединяла в себе приятное с полезным. Мухи часто доставали меня, особенно по ночам и утром. Сварливое, въедливое жужжание резало слух и раздражало. Но еще больше раздражали их щекотливые настойчивые променады по моему телу. Каждая нервная клетка моего детского организма вопила и тряслась в истерике, что нередко вызывало

судороги. Но эти назойливые двукрылые не сдавались и начинали издевательски подкрадываться к носу, глазам, губам. Иной раз в порыве бешенства и желании прихлопнуть их, я так сильно шлепала себя по лицу, что на лице оставался след моей же пятерни оттенка спелого персика.

Все мы точно знаем, на что слетаются мухи! Правильно. В случае с человеком мух привлекает углекислый газ, тепло, пот и ороговевшие кожные частицы. Поэтому шутки про фекалии не будет, хоть и не человеком единым сыта муха.

Знаете такое выражение: «Не можешь изменить ситуацию — измени отношение к ней»? Тогда я этого не знала, но о чем-то таком догадывалась, чай не дура. Настолько меня морально истощила эта вражда с мухами. И я твердо решила — пора забить большой и толстый топор этой войны. Пусть ползают, если им надо. И через определенное время стоических тренировок терпения и принятия я привыкла и приняла, как бы тавтологически это ни звучало. А еще спустя какое-то время мне даже стало нравиться.

Но угол воззрения на этих существ разительно меняется, когда сталкиваешься и с иными представителями вида.

Каждый в жизни каким-нибудь приятным, нежарким вечером встречал рой надоедливой кровососущей мошкары. Эта жужжащая, суетливая толпа моментально распознает феромоны живого и теплого существа и заполняет все пространство. Конечно, с целью поживиться свежей гемолимфой.

А ещё есть плотоядные мошки. Вдоволь нажравшись падальной плоти, они переходят на нектары. Словно надевают монокли, воскресные сюртуки и идут в игральный дом испытать игристого. А у самих в брюхах еще трупное мясо не переварилось.

Зреют мухи на мир сквозь тысячи крошечных микролинз, которые образуют мозаичную картину мира. У этих мелких насекомых невероятно большой обзор, они видят все буквально вокруг себя, все замечают. Но разглядеть объект в упор не способны - теряют фокус. Мозг мухи направлен на пространственное представление о мире, поэтому им абсолютно до всего есть дело. Особенно когда оно их не касается.

В естественной среде обитания прошел сквозь рой, руками отмахался, из ноздрей вычихнул, изо рта сплюнул и пошел себе дальше — пока теплится организм. От людского мошкovidного роя отбиться сложнее. Без вазелина во все щели норуют затулиться. Все раны обследуют — где бы личинки свои плотоядные припрятать, где бы присосаться, где бы гнильцу разнюхать, да насладиться свежатиной.

А встречаются еще среди любопытной сетевой массовки мелкие падальщики — стервятники.

Как и в природе, они не способны на честную борьбу или охоту. Всё, что им остаётся — ждать, когда они смогут доклевать и додрать обездвиженную, бездыханную «добычу», которая уже не может оказывать сопротивление. Но на всякий случай они сбиваются в стайки для поиска пищи. А что?

Вместе веселее. И безопаснее.

Иногда «добыча» — пока в ней ещё теплится жизнь, а процесс разложения только запущен — успевает понаблюдать за пиршеством, где главный десерт — она сама.

И всё же мир идеально сбалансирован. Стервятники выполняют важную функцию, можно сказать — санитарную. Они обладают невероятным количеством едкой кислоты и желчи, поэтому никакая токсичность их не проймет. Как говорится, зараза к заразе не пристанет. Стервятники являются хранителями токсичности. А раз у них она прибывает — значит, где-то убывает.

Но это всё — лирика.

Правда в том, что сравнивать людскую сущность с природой животных, птиц или насекомых — несправедливо, признаю и каюсь. Человек с его современными взглядами на мир — едва ли венец природы! Впрочем, возможно, это моё заблуждение.

Тяжело жить и вдыхать чарующие ароматы жизни, всё время ожидая удара под дых, подвоха, предательства. Тяжело жить, неустанно жалея себя. Невозможно полноценно сосуществовать с собственной озлобленностью, которая тихонько стоит за спиной, то и дело закрывает человеку глаза ладошками и ехидно вопрошает: «Угадай, кто?»

Глава 5. Место уместности

Часть 1

Внимание! Эта глава почти незавуалированно демонстрирует сцены с употреблением алкоголя и табачных изделий. А также повествует о креативных замыслах, неординарных принятиях решений и импровизационных перформансах, которые могут показаться читателю с избыточными нравственными устоями несколько аморальными. А впрочем, приятного чтения.

Опуская долгие подводки описания, отвечающие на вопрос «почему?» (ответ на него скрывается в опубликованных и еще неопубликованных главах этого цикла), скажу, что моя жизнь сложилась таким образом, что во мне укоренилось незыблемое чувство собственного достоинства, наравне с глубочайшим терпением и чрезвычайной искренней верой в людей. Несмотря ни на что.

Это выработало внутреннюю установку, ставшую моей твердыней и непоколебимым правилом: уходи, не оглядываясь, когда не чувствуешь комфорт и безопасность. Уходи немедленно, когда замечаешь, что твое присутствие неуместно.

Нет ничего грустнее, чем находиться там, где тебе нет ме-

ста. Нет ничего глупее, чем продолжать находиться там, где тебе всё еще нет места.

Я вспомнила фрагмент моего выступления в школьной пьеске, посвященной дню знаний. Моя задача была исполнить роль некоего вируса лени в образе чёртика, который всеми силами старается подчинить себе умы школьников и убедить их лениться. И вот я произношу свои заготовленные побудительные слова. Тут появляется врач, который с пренебрежением осматривает меня и заключает: «Ой, а что же это? Что же? И на кого же вы похожи? И вообще мы вас не ждали Вот и всё! Ступайте прочь!» Примерно так, только длинно и в рифму, конечно. На этом моменте ликующие первоклассники, которые еще не успели осознать, что их ждет в ближайшие одиннадцать лет, должны были поднять вверх свои маленькие, несформировавшиеся кулачки с возгласом: «Так ей!» По сценарию мой сконфуженный персонаж стыдливо удаляется за занавес. Его прогнали. Но победили ли его?

Через годы сюжет этой сценки неоднократно будет претворяться в жизнь, преследуя меня своим образом чего-то ненужного, чего-то неуютного.

Да не озлобятся на меня те, кто явился свидетелем историй, о которых я сейчас поведаю.

Мне двадцать пять лет, и я приехала на малую родину, в дом отчий (тот самый на берегу речушки, с надоедливymi мухами). Я всегда старалась поддерживать хорошие связи

с людьми, которых считала надежными друзьями и хорошими приятелями. Один из таких товарищей пригласил меня на свой день рождения в узком кругу знакомых. Обозначил дату. Я согласилась, так как пришла в восторг от «задания» к вечеринке: украсть кирпич и привезти с собой в качестве подарка. И выполнила задание со всей ответственностью и творческим подходом. Из кирпича я сделала арт-объект, отмыв его и разрисовав красками в виде книжного переплета с рок-н-рольным названием. Со всей ответственностью я подошла и к подготовке к самому вечеру: разумеется, подготовила подарок и, осознавая жесткий ценз на алкоголь в этой компании, заранее приобрела бутылку вина. Что могло пойти не так? Американский инженер Эдвард Мерфи однажды вывел такой закон — «всё, что может пойти не так, обязательно пойдет не так». Этот «закон подлости» гласит о том, что из всех худших вариантов развития событий реализуется наихудший, да еще в самый неподходящий момент.

Вы не поверите, но мне забыли сообщить время, в которое весь «узкий круг» прибывает на вечеринку. Или не забыли, а оттянули момент моего внедрения, опасаясь моей некоторой эксцентричности. Бывало, я могла прийти на вечер со своим фужером для шампанского. Или нарочито, аристократично оттопырив мизинчик, нахваливать украшения и убранства спутниц моих старых знакомых, которые вышли всего-навсего испить пшеничного солодового. Или же вступить в дискуссию с лиричными отступлениями, опираясь на

философские мудрости мироздания. В обозначенный день я в недоумении ожидаю пространственно-временной конкретики и уже начинаю подозревать, что зря. Как я поняла, что мне забыли сообщить? Через некоторое продолжительное время, ближе к вечеру, со мной связался именинник с повинной. И сказал, что я должна приехать. Я отправилась. По приезде я торжественно вручила подарки, и оказалось, что из всех приглашенных я одна-единственная умудрилась соблюсти условия с кирпичом. Также оказалось, что это была экстравагантная шутка. Но вышло символично. Просочившись в «узкий круг», я обнаружила, что компания уже давно отдыхает, отмечая именины друга, и находится под лёгким шофе. Мое чувство достоинства ощутило не менее лёгкий укол, но я решила отнестись к этому как к недоразумению и не ронять голову раньше времени. Не вдаваясь в хронологические подробности, изложу, что вскоре моя бутылка вина была по-братски разделена и осушена до последней терпкой капельки, а вечер приобрёл характер скучнейших посиделок с баснями о невыносимости бытия. Наспех проведя опрос среди желающих продолжать «вечер», я позвонила знакомой и попросила привезти нам бутылку барбадосской воды.

Когда вечер перешагнул за границу заката и устремился к ночи, начался ливень. Около получаса я провела на улице в качестве маяка для отзывчивой знакомой, пообещавшей доставить алкогольный напиток. Знатно вымокнув и успев озябнуть, я триумфально вношу трофей на свет горницы,

чем вызываю запоздалое внимание присутствующих. За эти тридцать минут настроения переменялись и сошли на нет — до пресловутого «низы не могут, верхи не хотят». Рейтинг моего жеста спасителя праздника сокрушительно упал, без возможности на реабилитацию. Все резко засобирались по домам, уныло покидая «лобное место».

Моё чувство собственного достоинства получило оплеуху. А аристократичное терпение начало трещать по швам, как натянутая рубашка, выкроенная и сшитая не по моему плечу. Оно окончательно лопнуло, когда при прощании мне снобически швырнули: «Может быть, тебе и привычно ходить на работу в состоянии алкогольного опьянения, но нам это несвойственно!» Ах ты ж трусливое создание. Я резко, со звоном бутылочного стекла о поверхность, поставила тару с ромом на стол, добавив: «Это вам, господа. Разопьете, когда всё-таки ваши богомерзкие субъекты осмелятся расслабиться. Всем доброй ночи и трезвых трудовых будней на поприще бытовой серости. Я б вас послала, но вижу вы и так оттуда. Проваливаюсь».

Несколько пар глаз молчаливо смотрели мне вслед, перешептываясь. Мой слух уловил обвинительное «она пьяна». А я удалялась всё дальше и дальше вглубь ночных улиц и холодного дождя. Обвинения не должны быть беспочвенны. В ту ночь я действительно была пьяна, изрядно напившись у круглосуточного магазина.

Глава 5. Место уместности

Часть 2

Кстати, вторая часть не уступает по аморальности героев. Но я бы, на вашем месте, всё равно не отказывалась от прочтения. Если вы узнаете себя на этих страницах, можно просто никому об этом не рассказывать. Присаживайтесь. Занавес поднимается. Акт второй.

Где-то на границе, когда ковид разделил жизнь на «до» и «после», две неугомонные женщины искали приключения на свои светлые головы. Одной из них, разумеется, была я. Второй женщиной в этом саркастичном тандеме была моя подруга Натали.

Мы познакомились на работе. Большие смеющиеся глаза и неравномерный зубной ряд, выскальзывающий из искренней ухмылки, не оставили сомнений — мы точно подружимся. Не мешкая сразу после знакомства мы обусловились испить вина у меня дома. Если браки заключаются на небесах, то товарищеские союзы — на бренной земле и скрепляются градусом. В этот же зимний вечер, когда розовое вино таинственно и быстро исчезло в недрах систем нашего пищеварения, а запал только набирал обороты, мы лёгкой джазовой походкой отправились за новой бутылкой. Вообще мы

с Натали — ярые искатели истин и всегда точно знаем, в чём истина. Говорят, что счастливые часов не наблюдают. Вот и мы решили не тратить время на планирование логистики, взамен уступив место справедливой логике — открывать бутылку необходимо, что говорится, не отходя от кассы. Спустя пару тщетных попыток откупорить пробку удалось лишь слегка выдернуть её вверх. Здесь уместно вспомнить басню моего земляка про мартышку и очки и начать вытягивать корку с помощью силы жевательной мышцы. Но я сразу вспомнила неравномерный зубной ряд моей спутницы и недолго думая всучила ей бутылку вина со словами: «Твоим зубам уже всё равно, это работа для них». Натали раскатисто рассмеялась. Теперь и у неё не оставалось сомнений — мы точно подружимся.

Так мы и сдруживались последующие месяцы. Исторически переломное происшествие, о котором я страстно желаю поведать, произошло в ночь с тёплого июльского вечера на унылое и скучное утро. Я прошу меня сердечно извинить, но я не помню конкретных дат, так как не веду дневников, а выдумывать не хочу. Созвонились мы, значит, спозаранку, дабы обсудить дела житейские и свои полубогемные планы на предстоящий день.

— Может, по Чинзанчику для расслабления умов и снятия напряжения с ног, которым голова не даёт покоя? — подкинула идею Натали.

— Ты, Натали, преувеличиваешь мою итальянскую эсте-

тику. К тому же вермут был в прошлый раз. Сухота в однообразии, необходимы перемены и свежие ветра, — парировала я ей со всем интеллигентным лоском, который удалось нащупать в ещё не пробудившемся мозге.

— Тогда, по классике, шампанское с черешней?

— Дорогая, шампанское по утрам пьют либо аристократы, либо дегенераты...

— То есть нам надо быстро определиться? — подытожила подруга.

Определиться с терминами и понятиями мы так и не смогли, но решили поступить наверняка — испить игристого вечером, в относительной свежести, под относительным сиянием звёзд над провинциальным городишком.

Вечер, как и предполагалось, открылся для нас с дверями в пространство круглосуточного магазина для гурманов и ценителей ночной жизни. Никто не хотел выставить себя в самом неприглядном алкогольном угаре перед служителями правопорядка, тем самым подставив милых продавщиц магазина, которые отпускали алкоголь после комендантского часа. Поэтому, уверенно вписавшись в дверной проём и подойдя к стойке прилавка, мы со всем аккуратизмом выдали кодовый пароль. Нет, это не «Авдотья, подними подол». Чётко, с толком, с расстановкой мы выдали: «Вечер добрый, а тётушка Даша нам пакетик не оставляла?»

Уставшие глаза приказчицы грузного телосложения внезапно ободрились и суетливо забегали по сторонам.

— Какая Даша? Какой пакетик? — затороторила она, будто стараясь побороть раздражение и понять, что, чёрт возьми, происходит.

— Ну такой, чёрненький, ровно на пару бутылок шампанского по объёму, — прояснила я спешно, так как очередь шатких людей поджимала в нетерпении. Громко цокнув языком и лениво подкатив уставшие глаза, продавщица отпустила нам пакет с содержимым, на которое и был рассчитан его объём. Всё — как в аптеке.

Далее вечер, как и предполагалось, продолжился для нас с хлопком вылетевшей пробки из толстого стеклянного горлышка бутылки. Неровный зубной ряд Натали остался нетронутым.

Где-то поодаль слышалась брань, не самого высокого качества, кстати. Мы невольно повернулись вполоборота. Великовозрастная нетрезвая шпана сбилась в круг, напоминающий ринг, и подняла отчаянный хай. Женский вопль, насквозь пропитанный алкоголем, так что разобрать слова почти не представлялось возможным, перебил шум толпы: «Миша! Не надо!» Раздались звонкие звуки шлепков и глухие звуки ударов, словно топот двух быков, сцепившихся рогами во время бодания.

— Маргиналы, — подчеркнула Натали, совершая манёвр неспешного отпития из пластикового стаканчика. А потом со всем озорством в широких глазах спросила: — Давай посмотрим?

— Ты так кровожадна? — подзадорила её я.

— Нынче так редко увидишь на улицах старый добрый спарринг.

— Да, а честную дуэль и того реже. Хотя дуэль гораздо практичнее и быстрее, — не удержалась я от философии.

Вскоре парней разняли, шум и гам долго не прекращался. Как и хрюкающие всхлупывания девицы, ползающей по асфальту на четвереньках в поисках, по всей видимости, своей обуви, которая предательски покинула её стопы, пока их хозяйка тщетно останавливала Мишу.

Спустя ещё несколько изысканных глотков не столь изысканного, как хотелось бы, напитка, который абсолютно точно испортил бы вкус любой черешни, неспешной шаркающей походкой к нам приблизился уже давно немолодой мужчина.

— Девчонки, а вы не желаете познакомиться? — слегка с прохрипом произнёс он, расплывшись в неловкой улыбке.

— Да мы уже знакомы, спасибо, — не церемонясь ответила я. Седовласый джентльмен напрягся.

— Может, составите мне компанию? Давайте! Поедем к армянам кушать шашлык, — уже серьёзно настаивал он, очевидно полагая, что зашёл с козырей.

— Благодарим вас, нас устраивает наша компания. Так что сегодня весь шашлык достанется вам!

— Хватит ломаться! — его тон сменился на пренебрежительный и грубый. — Не буду я вас трахать!

— Глядя на вас, это предположить нетрудно, — с ответ-

ной грубостью ответила я.

— Да не буду я вас трахать! — не унимался пожилой мужчина, нервно притопывая ногой.

— Тогда, тем более, нам решительно нечего там делать! — не выдержав накала страстей, мы с Натали закатились смехом. Но в глубине души смекнули, что пора ретироваться из этого места.

В этот момент, очень кстати, на мобильный пришло сообщение от нашего приятеля. Приблизительно такого содержания: «Собираемся к Миле на посиделку. Можем вас забрать, если хотите». Натали показалось это предложение заманчивым. Я же отнеслась с присущим мне скепсисом, так как уже имела удовольствие однажды присутствовать на подобной посиделке.

Мила — это возлюбленная друга нашего приятеля. Все они значительно, примерно на семь лет, младше нас и являются выходцами из семей современных коммерсантов с замашками знати. Участок, где проходят эти собрания, действительно атмосферное место, представляет собой большой двор, вымощенный плиткой и клумбами с высаженными в них пышными диковинными кустарниками и всевозможными цветами. На участке располагается небольшой симпатичный особняк, напоминающий бревенчатые палаты, и красивая резная беседка, переливающаяся огнями гирлянд.

Но увы, мой опыт пребывания в этой мещанской элитарности показался мне скучным и даже несколько омерзитель-

ным. Хотя, признаться, особых причин для этого не было. Но среди этих декораций я столкнулась с неприятным ощущением, словно я выполняю роль няни или воспитателя детского сада, присматривая за детишками нового поколения буржуа.

Этимися мыслями я поделилась с Натали и заметила, как её глаза заблестели ещё большим интересом. Уловив её ироничность и лёгкий оттенок недоверия к сказанному мной, я ответила на сообщение: «Приезжайте. Мы с вами». Буквально через считанные минуты за нами приехали, мы едва успели допить первую бутылку шампанского.

И уже в ближайшие тридцать минут мы совершали вхождение в подворье хором, описанных выше. Нас проводили в беседку. Там уже по-голубиному ворковали Влад и Мила, ещё один их общий товарищ ждал двух своих друзей, с которыми приехали я, Натали и бутылка нетронутого игристого.

Осмотревшись, мы присели за пустой стол, который постарались наполнить как могли, предложив разделить с нами напиток. Все поморщились и отрицательно закрутили головами. Что ж, нам больше достанется. Почти торжественно, в полнейшей тишине, мы откупорили вторую бутылку. Хлопок от отлетающей пробки пронзил эту тишину и улетучился в глубину усадьбы. Шампанское аппетитно шипело пузырьками, наполняя два пластиковых стаканчика. В пространстве снова повисла тишина немим висельником.

— За знакомство! — выдавила Натали, рассекая общее

молчание, и элегантно опрокинула в себя содержимое стакана, на манер того, как пьют водку. Я довольно шмыгнула носом и повторила её действие.

— Как ваши дела, товарищи? — подыграла я подруге в попытке снять копившееся напряжение. Прозвучали односложные ответы вроде: «Нормально» и «Всё путём» — и снова всё смолкло.

Натали пихнула меня локтем. Я посмотрела на неё. Распознав её вопрошающий взгляд, беззвучно прошептала фразу: «Я же говорила тебе», так чтобы она смогла считать по губам, и кивнула на стаканчики, мол — наливай.

Остальная компания уткнулись в экраны телефонов. Так прошло ещё добрых полчаса, а оживлёнными в этом месте были только мерцающая гирлянда и наши руки, методично подносявшие одноразовые кубки к нашим губам. Я почувствовала ментальную изжогу неуместности, а вместе с тем и раздражение. Утомлённая гулкостью тишины и отстранённым поведением окружающих, я выдала:

— Весело тут у вас! Как на похоронах.

Все понимающе посмотрели, но не проронили ни звука. Лишь переглянулись между собой.

— Мальчики! Может, кофе? — наконец подала голос Мила.

И мальчики наперебой загалдели, как скворцы ранней весной, делая заказ, кому какой кофе сварить. Мила одобрительно кивнула и отправилась в дом. Через некоторое вре-

меня вернулась с красивыми кофейными чашками, услужливо подала их ребятам и снова присела. Натали опять пихнула меня локтем, но уже гневно зашипела мне на ухо: «Нам, я так понимаю, даже не предложат?»

— Правильно понимаешь! — уже совершенно открыто и во всеуслышание ответила я, в надежде, что остальные слышали щепетильный вопрос моей приятельницы. Присутствующие подняли головы и уставились на нас. Недолго думая я поднялась. Коротким отрывистым кивком дала знак Натали, что мы уходим. Она встала из-за стола вслед за мной.

— Приносим свои извинения за доставленные неудобства, но мы вынуждены вас покинуть. Нас ждут ещё некоторые личные дела, — постаралась лаконично попрощаться я, смиренно удерживая внутренний пожар возмущения от проявленного к нам неуважения.

— Благодарим, так сказать, за гостеприимство... — добавила Натали, и мы медленно, но верно отправились к выходу, пересекая плитку подворья.

Не успев дойти до калитки, но удалившись на приличное расстояние от беседки, Натали начала негодовать: «Ну какая бестактность...» Я угрюмо буркнула ей: «Как гласит древняя мудрость — сначала выйди за дверь, а потом комментируй».

Мы вышли за дверь. Душное напряжение из атмосферной беседки сменилось приятным шлейфом освобождения. Комментировать не хотелось. Мы закурили. Запах дыма органично перемешивался со свежестью ночной улицы. Вдруг,

неожиданно для себя, мы рассмеялись, осознав непостижимую комичность произошедшего за весь вечер.

— Час от часу не легче, — сквозь смех ляпнула я.

— Да, и писать уже очень хочется, — добавила Натали. И это была правда. Количество выпитого тяжело давило на мочевой пузырь. Мы осмотрелись.

Вокруг было достаточно открытое пространство, хорошо просматриваемое с любого ракурса. Встык с забором, ограждающим участок Милы, росла плакучая ива. Её длинные лианы, густо усыпанные продолговатой листвой, свисали прямо до земли.

— Как тебе? — спросила я подругу, указав пальцем на дерево.

— Идеально! — поддержала меня она. — На нас насрали, а мы обоссим.

Я с детства помнила наставление: «Пусть лучше лопнет совесть, чем мочевой пузырь!», и мы бесстыдно отправились под иву.

Тем не менее у нас оставалась початая бутылка шампанского, а впереди простирался путь расстоянием около семи километров, по дороге вдоль леса. Мы шли обновлённые и весёлые. Мы проходили мимо придорожного кафе, в которое нас зазывали на шашлык. Кое-где иногда останавливались, чтобы подышать хвоей и сосной или полюбоваться звёздным небом, от относительности которого не осталось и следа.

— Василис, мне так нравятся приключения с тобой, —

немного робко, но без иронии произнесла Натали.

— То ли ещё будет, Наташ, — строго ответила ей я. — Там в лесу есть дорожки, пойдём, полежим, на небо посмотрим, опустимся до обсуждения истин и допьем наконец эту треклятую бутылку!

Так мы и провели почти весь остаток ночи. Как добрались домой я уже не помню, да и не так уж это важно.

Глава 6. Сангха

Часть 1

Впервые с понятием «сангха» я столкнулась пару лет назад. Хотя философия буддизма увлекала меня давно. Существуют три главные опоры в буддизме, по-другому — Три Драгоценности (триратна): Учитель, Учение, Община. Принятие драгоценного буддийского пути — обращение к триратне. Возвращаясь к тому, что такое Сангха. Это и есть община. Выражаясь мирским языком, это круг верных единомышленников и друзей. Цель Сангхи — оказание поддержки, предоставление прибежища, сохранение и передача традиций.

Смысл этого термина так точно и так глубоко описывает суть любого круга идеологических соратников, что плотно запечатался в моём сознании и лексиконе.

Сейчас я понимаю, что подсознательно всю жизнь искала именно Сангху, а не друзей для тусовки. И не находила. На моём пути встречались разные люди. Со многими из них завязались и сохранились добрые, прочные взаимоотношения, и я благодарю за это жизнь. Однако в поиске единоверцев я начала разочаровываться уже в детстве. Благодаря чему за мной постепенно закрепились диагнозы: «странная», «слож-

ная» и тому подобные. Сначала я болезненно воспринимала такие выпады, позже — с принятием, а ещё позже — с восхищением.

Вспоминаю, что в свои четырнадцать лет я уже всерьёз подумывала об официальном учреждении общественной организации. Было выбрано название, составлен устав и определены члены организации. «МОСТ» — Молодёжное Объединение Свободного Творчества, куда входили молодые люди разных возрастов и разного творческого исповедания, от литераторов до художников. Мы даже штурмовали местную администрацию, а я лично писала письма меценатствующим бизнесменам с просьбами о поручительстве.

Всё могло бы получиться, но мои сподвижники в основной своей массе оказались не столь заинтересованы. Также многих пугала официальность этой деятельности, поскольку официальность требовала дисциплины и ответственной самоотдачи. Поэтому учреждение «МОСТа» пришлось отложить.

Но сворачивать деятельность по привлечению единомышленников я совсем не планировала. К тому времени за моими плечами уже были несколько выступлений на конкурсах чтецов и пара номинаций на литературные премии в известнейшем интернет-портале. Моя сестра занимала должность в местном Дворце Культуры, и я пошла по пути наименьшего сопротивления, решившись на организацию открытого поэтического вечера. Нам предоставили зал. Остальные вопро-

сы по продвижению, приглашениям и сбору я взяла на себя.

Худо-бедно, но вечер состоялся. Мы читали стихи, кто-то даже исполнял песни, общались и весьма элитарно провели время. Ничего грандиозного в это мероприятие не вкладывалось. Задачей было показать ребятам: как работа организации минимально выглядит на практике.

Но сладко да гладко бывает только где? Правильно, в нашей голове, не лишённой фантазии и эгоцентризма. Буквально через несколько дней мне попадаетеся афиша ещё одного поэтического вечера, вслед за нашим. Как говорится — «на том же месте, в тот же час». Организаторы — взрослые, уже в чём-то состоявшиеся люди, с размахом подошли к мероприятию. Афиша обещала приглашённых гостей, песни, пляски, конфетки, бараночки, и в небе десанточек, важно запускающих фейерверки из шампанского на десерт. Ну как пропустить такое шоу? Если бы я завершала этот очерк на этом этапе, то концовка могла бы быть такой: «и я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, а в рот не попадало». Но это ещё не всё, как вы понимаете.

На самом деле вечер произвёл на меня хорошее впечатление. Не столько дружеской обстановкой, которой там, надо сказать честно, вовсе-то и не было, сколько хорошими и уверенными авторами, выступающими со своим творчеством. Я ушла с мероприятия с приятным послевкусием — словно после глотка свежесжатого концентрированного яблочного сока, сладкий вкус которого ещё какое-то время держится на

языке и гортани.

Смакуя кончиком языка это послевкусие, я нисколько не подозревала, что в это время на моей авторской страничке, на том самом небезызвестном литературном интернет-портале, разворачиваются настоящие баталии и чуть ли не товарищеское судилище моей поэзии. Каково же было моё удивление, когда в качестве «критиков» я увидела тех самых чтецов-организаторов литературного шоу! Мои стихи подверглись самому издевательскому графоманскому изнасилованию, потому как назвать это конструктивной критикой мой язык не поворачивается. Взрослые люди из возрастной категории тех, «кому за», с упоением высмеивали строки подростка. Конечно, моё воспитание не сразу позволило послать их к чёрту, но позволило. Разумеется, самым интеллигентным образом, который я могла обеспечить в свои четырнадцать—пятнадцать лет.

Ущемило ли меня как автора это варварство? Абсолютно точно нет. Я сразу поняла, что за этим действием припрятано нечто большее, чем желание «приструнить и подучить малолетку» с высоты своего опыта. Но что?

И вот в ближайшее время я узнаю, что в нашем маленьком провинциальном городишке с незапамятных времён существует некий литературно-поэтический клуб, основанный настолько давно, что многие члены клуба успели уже изрядно износиться и состариться. Говорили, что по выходным в их штаб-квартире травили моль и даже гоняли книжных чер-

вей, покусившихся на святые их сборники.

Оказалось, что те самые местечковые поэты-песенники, устроившие моим стихам «публичную порку», — это молодые, относительно остальных, члены этого клуба. А двигало ими исключительное желание монополии на свою запылившуюся поэзию. Монополия на поэзию! То есть эта акция была попыткой перекрыть кран для более молодых людей. Они распознали во мне угрозу, что моментально дало мне понять: «А моль-то травили спустя рукава!».

Следом за этой акцией были и попытки переманить моих товарищей по перу, обещаниями им выступлений на поэтических конкурсах и фестивалях, а также эфирного времени на местном радио. Некоторые соглашались. Я их понимаю: нести знамя независимого автора — это всегда риск быть незамеченным. Но тогда мне это дало чёткое понимание: что значит искусство и творчество для меня. И для меня — это не товар для широкого потребления!

Тот период оставил меня без единомышленников. Но зато точно показал, что эта тусовка никак не могла стать моей сангхой. Да и вообще, чьей-либо сангхой.

Пока я писала этот очерк, я вспомнила некоторые слова оппонентов того судилища на моей авторской странице. Посыл был таков: «Аккуратнее относись к слову, деточка, а то слово — вещь такая, может и обидеться...». Смешно, но спустя годы я зашла на их авторские страницы и увидела, что даты публикаций методично меняются, обновляются, осве-

жаются, стихи штампуются, как на производстве пластиковых пакетов, а слова и смыслы остаются всё те же. Рост — процесс такой, может и прекратиться.

И всё-таки через годы я нашла место, где обитает моя сангха. Но об этом я поведаю во Второй части. А пока скажу: препятствия на жизненном пути не стремятся нас уничтожить, уничтожаем мы себя сами. Природа воды — всегда природа воды, даже если она мутна от взвеси грязи и сора. Дайте ей время отстояться, и она станет прозрачной, словно призма, сквозь которую будет лучше видно её природу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.